

А.Т. Аверченко

СПЕЦИАЛИСТ ПО ВОЕННОМУ ДЕЛУ*

Прежний «военный обозреватель» поссорился с редактором и ушел.

Он обиделся на редактора за то, что последний сказал ему:

— Какую вы написали странность: «Австрийцы непрерывно стреляли в русских из блиндажей, направляя их в них». Что значит «их в них»?

— Что же тут непонятного? Направляя их в них, — значит, направляя блиндажи в русских!

— Да разве блиндаж можно направлять?

— Отчего же, — пожал плечами военный обозреватель, — ведь он же подвижен. Если из него нужно прицелиться, то он поворачивается в необходимую сторону.

— Вы, значит, думаете, что из блиндажа можно выстрельнуть?

— Отчего же... конечно, кто хочет — может выстрелить, а кто не хочет — может не стрелять.

— Спасибо. Значит, по-вашему, блиндаж — нечто вроде пушки?

— Не по-моему это, а по-военному! — вспыхнул обозреватель. — Что вы, издеваетесь надо мной, что ли? Во всякой газете встретите фразы: «Русские стреляли из блиндажей», «немцы стреляли из блиндажей»... Осел только не поймет, что такое блиндаж!

Редактор догадался, на кого намекает обозреватель, и обиделся.

— Не знаю, кто из нас осел. Почему же в «Военном Скакуне» обозреватель пишет такую фразу: «немцы прятались в блиндажах». Что ж они, значит, по-вашему, в пушках прятались, что ли?

— Почему же нет? Если орудие, скажем, восемнадцатидюймовое, а средний солдат, имея объем груди согласно правил воинского распорядка частей внутреннего согласования армий, которое... которое... Э черт! Взял просто человек и залез в пушку.

— Сел в лужу наш военный обозреватель, — вступил в разговор корреспондент из Копенгагена. — Блиндаж — это нечто вроде солдатской галеты. Иностранное слово. Происходит с русинского. Блин даже. Так сказать, даже блин, и тот идет в ход. Я сам читал корреспонденцию, что немцы без блиндажа ни на шаг. Ясно — галеты. Любят, черти, покушать. Хотите, я сегодня из Копенгагена напишу об этом?

— Пожалуйста, — скривился военный обозреватель. — Если вы в военных вопросах понимаете больше меня, ведите сами военный отдел. А я вам больше не писарь.

Взял он свое пальто, шляпу, два рубля долга из конторы и ушел.

Редактор привез нового военного обозревателя. Все сотрудники высыпали смотреть на него. Поглядывали с тайным страхом — вдруг человек возьмет да и начнет стрелять в них. Все-таки военный обозреватель, имеющий дело с разными шрапнелями, мортирами и блиндажами

Но новоприбывший военный обозреватель оказался на редкость милым, скромным человеком.

Улыбнулся всем, а молодому секретарю сказал даже ксмплимент: — Какие у вас хорошие ботиночки! — Да, — самодовольно согласился секретарь. — Почти новые. Второй год всего ношу.

— О чем будете писать нынче? — спросил редактор. — Об Италии. — Почему именно об Италии? — Да давно хотелось написать. Тем более, что она имеет на карте такую забавную форму.

* * *

Появилась статья военного обозревателя об Италии. Она начиналась так:

«Италия имеет форму сапога. Капо-спартивен-то — это его носок, Капо-С. Мария — его каблук. Средняя часть подметки образуется из залива Таренто. К сожалению, мы не можем точно обрисовать верхнюю часть сапога, так как верхушка голенища сливается с материком, а ушики должны быть где-нибудь между Сицилией и Венецией. Что же касается подъема этого сапога, то...» и т. д. и т. п.

Статья была очень оригинальная и в редакции произвела известное впечатление.

* * *

— А о чем вы нынче думаете? — спросил редактор.

— Написать о чем? Думаю написать статью о состоянии обуви во французской армии.

— Разве это такой важный вопрос?

— Обувь-то? Это — все. Обуйте солдата как следует, и он сделает чудеса.

На следующий день появилась новая статья нашего военного обозревателя. Она начиналась словами:

«Многим, вероятно, интересно, как обута французская армия. Обувь французов состоит из...» и т. д. и т. п.

Эта статья оставила у всех какое-то странное впечатление узости освещения затронутого вопроса и поразила обилием специальных непонятных терминов. Впрочем, редактор утешил себя: — Ничего не поделаешь, — специалист. А вечером спросил: — А завтра о чем будет?

— Думаю коснуться состояния обуви в австрийской армии.

— Что вы все обувь да обувь? — нервно возразил редактор. — Напишите что-нибудь другое.

— Именно? — пугливо спросил новый обозреватель, огорченный ре-

дакторской нервностью.

— Ну например, напишите о расположении австрийской армии...

— Слушаю-с.

На следующий день появилась статья: «Расположение австрийской армии».

Начиналась так:

«Австрийская армия расположена сейчас в виде дамского ботинка, причем левый фланг, образует собой как бы носок, а правый как бы верх ботинка, 3-й корпус стоит в виде высокого каблука, причем рантом его является»... и т. д. и т. п.

Прочтя эту статью, редактор рассвирепел. Долго кричал на военного обозревателя: — Что вы всюду тычете ваши сапоги, туфли и башмаки? Что это за военные статьи, ни одна из которых не обходится без каблука, ранта, подъема и носка? На плане расположение австрийской армии похоже на кочергу, а вы всюду хватаетесь за свой излюбленный сапог. Понимаете? Кочерга, а не сапог!

— Извините! — обиженно возразил новый обозреватель. — Я не кухарка какая-нибудь, чтобы сравнивать положение армии с кочергой.

— Но и не сапожник же, — завизжал редактор, — чтобы сравнивать армии с сапогом!

— Извините, — угрюмо прошептал новый обозреватель, — как не сапожник? Мне своей профессии стыдиться нечего. Сейчас я, конечно, приглашен вами на пост военного обозревателя, но раньше я, действительно, работал подмастерьем у сапожного мастера Василия Хромононого.

И когда он, получив расчет и собрав свои вещи (пучок дратвы, две колodки и коробку вару), уходил, — в глазах его читался кроткий упрек: — За что? Чем я хуже других?

1915 г.

* От редакции. Аркадий Тимофеевич Аверченко (род. 15.03.1881 в Севастополе, ум. 12.03.1925 в Праге) - общепризнанный Король смеха России начала века, основатель «еженедельного журнала сатиры и юмора» «Сатирикон». Публикуемый ниже рассказ, как и предыдущий (см. Аверченко А.Т. Русская история // Гербовед. 1997. № 10 (22). С. 154-155), входит в книгу «Чертovo колесо» (Аверченко А.Т. Чертovo колесо. М.: Русская книга, 1994. С. 287-290). В этот сборник вошли также рассказы, сценки, шутки из наиболее известных, пользовавшихся громадным успехом циклов писателя, впервые увидевших свет на страницах «Сатирикона». Многие и по сей день остаются непревзойденными образцами блистательного, сочного, порою весьма едкого юмора.